

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ КУЛАГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olkulagin@yandex.ru

ГОСПЛАН СССР КАК ИНСТИТУТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЛЕСНОЙ ЭКОНОМИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – 1980-е ГОДЫ)*

Современная отечественная лесная экономика испытывает определенные трудности, поэтому актуальность данного исследования связана с анализом как положительного опыта, который был приобретен в рассматриваемый период, так и кризисных явлений, сложившихся в сфере промышленного производства. Лесопромышленный комплекс (ЛПК) не стал исключением, накопив за эти годы множество проблем, главными из которых стали нерациональное использование лесного фонда, ускоренное выбытие производственных мощностей, отставание в развитии социальной инфраструктуры от темпов производственного строительства. Научная новизна связана со слабой изученностью реальной роли советских органов общегосударственного планирования в развитии отраслей отечественного ЛПК в обозначенный период, на протяжении которого Госплан СССР сохранял за собой функцию регулирования советской лесной экономики. Используя новые архивные материалы, автор приходит к выводу, что Госплан СССР в течение рассматриваемого времени трансформировался из органа, жестко контролировавшего выполнение плановых показателей, в институт согласований различных ведомственных и региональных интересов. При этом, отстаивая общегосударственные интересы, органы государственного планирования в условиях снижения темпов экономического развития способствовали сохранению отставания отраслей ЛПК от других отраслей производства.

Ключевые слова: органы государственного планирования, советский лесопромышленный комплекс, фокальная точка

Госплан СССР являлся важнейшим субъектом советской экономики. Данный орган осуществлял разработку планов развития народного хозяйства, предоставлял их на рассмотрение правительства и утверждение сессий Верховного Совета СССР, которые определяли законодательную силу выработанной партией и правительством экономической политики. В то же время Госплан СССР осуществлял методическое руководство планированием, подготавливал обязательные для всех министерств, ведомств и предприятий методические указания и положения по планированию, осуществлял контроль над ходом подготовки и обоснования планов, координировал и регулировал требуемые для выполнения народно-хозяйственного плана производственные связи и тем самым выступал в качестве исполнительно-распорядительного органа управления [5: 56]. На Госплан СССР была возложена ответственность за состояние планирования в народном хозяйстве, за экономическую обоснованность разрабатываемых проектов планов развития. Выполнение решений функциональных органов, имеющих «надведомственные» полномочия, были обязательны для всех отраслевых министерств.

Одновременно Госплан СССР являлся важным институтом советской экономики, так как он был центром, в котором собиралась вся информация о производственных возможностях всех предприятий. Именно в рамках этого органа делались прогнозы, просчитывались разные

стратегии распределения ресурсов с целью удовлетворения тех или иных потребностей большинства экономических субъектов. При этом на протяжении практически всего рассматриваемого периода существовавшая в стране система планирования производственных показателей, в том числе относящаяся к отраслям ЛПК, имела ряд проблем и особенностей. По мнению Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова, центральные плановые органы были не в состоянии охватить все народно-хозяйственные пропорции. Приблизительно увязывались лишь главные задания плана с имеющимся количеством наиболее важных ресурсов (например, в 1980-е годы Госплан регулировал не более 5 % всех пропорций по экономике). Более детально государственный план дорабатывался механически – путем применения стандартных нормативов, основанных на прошлом опыте. Как правило, ставилась задача наращивания производства исходя «от достигнутого уровня»: отталкиваясь не от реального совокупного спроса, а от того уровня экономических показателей, которыми завершился предыдущий плановый период. Окончательная доводка плана и исправление проводились в ходе реализации плановых заданий, которые предписывалось выполнять «любой ценой». По мнению авторов, планы фактически никогда не выполнялись [4: 378–379].

В последнее время деятельность Госплана стала объектом изучения как историков, так и специалистов в других областях знания. Серьезное

внимание деятельности Госплана уделяет в своих работах В. Л. Некрасов [2]. Он, в частности, отмечает, что, например, реформа Госплана СССР 1955 года, как, впрочем, и остальные реформы данного института, осталась на периферии внимания новейшей российской и зарубежной историографии хрущевских реформ. Автор приходит к выводу, что Госплан СССР был мощным носителем практик сталинской модели хозяйствования, против которой объективно были направлены реорганизации 1955–1957 годов [3].

А. Р. Гапсаламов отмечает в своем исследовании, что в структуре управления советской промышленностью возникли и прижились межотраслевые органы, возникшие из потребностей отраслевой специализации. К таковым относился и Госплан СССР. Спецификой деятельности этих органов являлось то, что сфера воздействия их управленческих решений была ограничена определенными локальными рамками и не затрагивала все отрасли промышленности в целом [1: 7].

Особенности трансформаций в системе управления ЛПК и лесным хозяйством, произошедших в том числе в эти годы, и их последствия были подробно исследованы И. Р. Шегельманом [8], [9], [10].

Рассматриваемый период второй половины 1940-х – 1980-е годы – время, когда регулирующая роль Госплана не только стала фактором развития советской экономики, но претерпела ряд изменений.

В рамках сталинской экономической системы второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Госплан СССР выполнял прежде всего функцию контроля за исполнением поставленных государством показателей. В конце июня 1945 года была закончена проверка хода выполнения Постановления СНК СССР от 24 апреля 1945 года за № 872 «О мероприятиях по увеличению лесозаготовок Наркомлеса Карело-Финской ССР». Материал проверки был представлен в Госплан СССР на имя председателя Государственного планового комитета при Совете Министров СССР Н. А. Вознесенского. Проверкой, проведенной уполномоченным Госплана СССР по Карело-Финской ССР, было вскрыто невыполнение указанного постановления рядом организаций и, главным образом, обязательств со стороны Наркомлеса СССР. Одновременно в процессе проверки в Наркомлесе республики были выявлены проблемы при исполнении решений вышестоящих организаций, на что было обращено внимание Наркомлеса и Совнаркома при устном докладе¹.

В дальнейшем функция контроля за выполнением плановых показателей, включавшая анализ и критику их невыполнения, осталась одной из приоритетных. В 1950 году заместителю председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухину поступило письмо от заместителя председателя Госплана СССР С. Ф. Демидова о работе целлюлозно-бумажной промышленности Минлесбумпрома СССР в 1949 году и I квартале 1950 года. Согласно этому письму, наряду с количественным выполнением плана ассортиментный план

производства бумаги и картона не был выполнен. Из 94 сортов бумаги план был выполнен только по 67. По мнению Госплана, руководящие работники министерства и главных управлений мало бывали на предприятиях и стройках, не оказывали им необходимой помощи: пусковые стройки не обеспечивались своевременно необходимыми материально-техническими ресурсами и балансовой древесиной².

Госплан становился также объектом просьб со стороны Минлесбумпрома, так как выделяемые им финансовые средства были явно недостаточны для нормальной работы его предприятий. В письме 1952 года министра Г. М. Орлова на имя заместителя председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухина указывалось, что отсутствие жилой площади и необходимых культурно-бытовых условий вызывали недопустимую текучесть рабочих постоянного кадра с предприятий ЛПК. По мнению министра, при этом вследствие недостатка капитальных вложений объем жилищного строительства за истекшие годы установился в несколько раз меньше действительной потребности. В силу этих обстоятельств на проведение оргнабора рабочей силы в лесозаготовительную промышленность государством бесполезно тратились огромные средства, так как из-за недостатка жилья две трети принимаемых рабочих через несколько месяцев покидали работу в лесу³. В итоге письмо заканчивалось просьбой министерства поручить Госплану СССР и Минфину СССР рассмотреть к 10 сентября 1952 года вопрос о выделении Минлеспрому СССР дополнительных капитальных вложений, а Госснабу СССР – о выделении строительных материалов и свои предложения представить в Совмин СССР⁴.

В послесталинский период региональные элиты стали усиливать свое политическое и экономическое влияние. По мнению Р. Г. Пихоя, данные элиты, являясь составной частью бюрократической системы согласований, отстаивали групповые интересы внутри партийно-государственной элиты [6: 4]. В то же время усилению региональных элит способствовала внутривластная борьба за власть в правящей элите между преемниками И. В. Сталина [7: 183]. В изменившейся институциональной среде промышленные предприятия все больше стремились реализовывать тактику, которая заключалась в «выбивании» в министерстве фондов на капитальные вложения, получении повышенных лимитов на сырье и обеспечении необходимой численностью работников. Это делалось с целью подстраховаться на случай возможных сбоев в поставках или корректировки плана выпуска. Будучи не в состоянии получить детальную информацию относительно производственных возможностей предприятий, плановые органы выбирали в качестве основного метод планирования «от достигнутого уровня», когда планом на следующий год выступали увеличенные на определенную величину показатели, достигнутые предприятием в предыдущем году. Ведя себя оппортунистически, директора намеренно занижали производственные

возможности своего предприятия, чтобы ценой меньших усилий выполнить план этого года и не получить слишком высокий план на следующий год. Данное явление получило название инерционного эффекта или «эффекта храповика» (ratchet effect) [11]. К примеру, в проектах пятилетнего плана в 6-й пятилетке, представленных в 1955 году, леспромпхозы заложили рост объема лесозаготовок на 22 %, Министерство лесной промышленности СССР наметило рост лесозаготовок на 33 %, а в проекте Госплана СССР предусмотрено было увеличение на 44 %⁵. Таким образом, представление руководящего министерства о реальных производственных возможностях предприятий представляло собой нечто среднее между взглядом сверху в лице Госплана СССР и взглядом снизу в лице самих предприятий.

В период 1960-х годов Госплан СССР продолжал осуществлять контроль за деятельностью предприятий ЛПК. В частности, в 1965 году проверки было установлено, что многие поручения и задания ЦК КПСС, Совмина СССР и СНХ СССР Гослескомитетом выполнялись несвоевременно. В 1964 году из 164 поручений и заданий 36, или 22 %, не были выполнены в установленные сроки. Разрешение на продление сроков комитет у правительства не спрашивал. Более того, комитет допускал факты самовольного изменения сроков выполнения отдельных поручений и заданий. Например, ЦК КПСС и Совмин СССР Постановлением от 22 апреля 1964 года № 346 обязали комитет обеспечить разработку комплексных проектных заданий на расширение Балахинского, Котласского, Архангельского, Кондопожского, Комсомольского комбинатов до 1 марта 1965 года. Однако Комитетом в феврале 1965 года без разрешения ЦК КПСС и Совмина были установлены подведомственным институтам более поздние сроки разработки и утверждения технической документации⁶.

Необходимо отметить, что Госплан СССР старался также учитывать в известных пределах интересы и пожелания как отраслевых, так и территориальных экономических субъектов. К примеру, при разработке плана развития лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР на 1971 год учитывались предложения министерств, ведомств и Советов Министров союзных республик, а также предварительные предложения по основным показателям развития народного хозяйства страны, одобренные Коллегией Госплана. Предусматривалось при этом дальнейшее снижение переруба расчетной лесосеки и развитие лесозаготовок и деревопереработки в многолесных районах. По предварительным расчетам, переруб расчетной лесосеки в 1971 году в отдельных районах страны должен был уменьшиться до 17–18 млн куб. по сравнению с 21 млн куб. по плану 1970 года⁷.

Согласование в рамках Госплана СССР различных интересов было характерно и для сферы лесного хозяйства. В объяснительной записке к проекту плана развития лесного хозяйства на 1976 год указывалось, что данный проект был раз-

работан в соответствии с Постановлением Совмина СССР от 29 апреля 1975 года № 348 и Приказом Госплана СССР от 12 мая 1975 года № 50, а также на основе проектов планов, представленных Гослесхозом СССР, Минлеспромом СССР, другими министерствами и ведомствами СССР и Советами Министров союзных республик с учетом итогов выполнения плана за 1974 год и ожидаемого выполнения за 1975 год. По всем союзным республикам отпуск леса на 1976 год был предусмотрен в пределах утвержденной расчетной лесосеки. Однако по ряду областей европейской части СССР и Урала предполагалось еще оставить перерубы расчетной лесосеки, которые должны были составить расчетно: по КАССР – 2,5 млн куб. (21 %), Вологодской обл. – 0,5, Кировской обл. – 0,7, Марийской АССР – 0,45 (29 %), Чувашской АССР – 0,15 (14 %), Свердловской области – 0,4 млн куб.⁸

Таким образом, выступая в качестве координирующего органа и имея информацию об острых проблемах в развитии отраслей ЛПК и лесном хозяйстве, Госплан СССР мог лишь менять некоторые цифры, но предусмотреть действенный механизм решения существовавших проблем не был способен.

В то же время Госплан СССР становился фактической точкой при разрешении ведомственных споров. В 1975 году министр транспортного строительства В. О. Архипцев в своем письме просил Госплан СССР рассмотреть возможность распространить на лесозаготовительные предприятия его ведомства действие Постановления Совета Министров СССР от 14 января 1971 года № 2 «О порядке продажи деловой древесины колхозам и совхозам, направившим колхозников и рабочих совхозов на лесозаготовительные и лесосплавные работы». Привлечение министерствами и ведомствами рабочих из колхозов, совхозов РФ реализовывалось в территориальном разрезе Совмином РСФСР. Госплан СССР рассмотрел совместно с Госнабмом СССР (Г. М. Орлов) и Минлеспромом (Н. В. Тимофеев) просьбу Минтрансстроя. В результате в целях сохранения преимущественного положения основных заготовителей Госплан посчитал нецелесообразным распространять действие указанного постановления Совмина на Минтрансстрой, в силу того что данное министерство заготавливало древесину для собственных нужд, его удельный вес в общем объеме составлял всего лишь 0,6 % и развивать эту отрасль в составе министерства Госплан не считал перспективным⁹. В данном случае объективное желание государства в лице Госплана СССР поддержать основных заготовителей древесины для выполнения ими плановых показателей, установленных государством, совпало с ведомственными интересами Минлеспрома, не желающего делиться с другими министерствами таким дефицитным ресурсом, как рабочая сила.

В период 1970–1980-х годов Госплан СССР оставался местом урегулирования интересов отраслевых и территориальных органов в области управления экономикой, и в отношении освоения

лесных ресурсов в частности. В то же время о наличии у некоторых территориальных органов управления сильного лобби при урегулировании вопросов об использовании лесных ресурсов говорят также протоколы заседаний в Госплане СССР.

На совещании в Госплане 5 июля 1980 года, где присутствовали представители Совмина УССР, Совмина Литовской ССР, Совмина Латвийской ССР, Совмина Эстонской ССР, а также отделов Госплана СССР, по поручению Совмина СССР обсуждался вопрос о размере расчетных лесосек на 1981–1990 годы с учетом имевшихся решений и указаний ЦК КПСС и Совмина СССР по вопросам использования лесосырьевых ресурсов в европейской части страны. В результате совещание посчитало необходимым отметить, что Госкомитет СССР по лесному хозяйству в связи с возражением Советов Министров ряда союзных республик утвердил расчетные лесосеки на 1981–1990 годы меньше рекомендованных Государственной экспертной комиссией Госплана СССР (Постановление от 15 августа 1979 года № 19) по УССР (по зоне деятельности Минлесхоза республики) на 478 тыс. куб., Литовской ССР – на 188 тыс. куб., Латвийской – на 183 тыс. куб., Эстонской – на 135 тыс. куб. Учитывая плачевное состояние лесосырьевых ресурсов указанных союзных республик, было принято согласованное с Советами Министров Украинской, Литовской, Эстонской ССР решение об установлении расчетной лесосеки на 1981–1990 годы в уменьшенных размерах: по УССР – 6000 тыс. куб., по Литовской ССР – 1638 тыс. куб. (с вводом в действие с 1983 года), по Эстонской ССР – 1510 тыс. куб.¹⁰

В то же время Госплан СССР, сохраняя за собой функцию контроля, продолжал критиковать Минлесбумпром СССР за невыполнение производственного плана. На заседании в Госплане от 5 июля 1985 года, посвященном ходу выполнения предприятиями Минлесбумпрома СССР плана производства продукции в январе – июне 1985 года, указывалось, что несмотря на то, что народно-хозяйственные планы по производству круглых лесоматериалов были, по мнению Госплана, сбалансированы с товарной структурой лесосечного фонда, Минлесбумпром СССР невыполнение плана производства крупных лесоматериалов без каких-либо обоснований объяснил отсутствием именно такой сбалансированности. Анализ отчет-

ных материалов и данных проверок, проведенный Госпланом на местах, показал, что невыполнение плана производства деловой древесины и круглых материалов объяснялось значительными потерями при заготовке и транспортировке древесины, некачественной раскряжевкой и сортировкой, а также использованием круглых лесоматериалов не по назначению¹¹. Госпланом также был подвергнут критике контроль состояния лесовосстановления, приводимый министерством. В отчетах по многим объектам было отражено неудовлетворительное ведение в лесхозах учета текущих изменений в лесном фонде. Причем в объектах с большими отклонениями данных учета лесного фонда (УФЛ) от данных математико-статистического метода (МСМ) оказались регионы, которые в то время стали главными объектами лесозаготовки: Пермская, Ульяновская, Архангельская, Горьковская области, а также КАССР и Коми АССР¹².

Анализ деятельности органов Госплана СССР в качестве института регулирования советской лесной экономики позволяет сделать вывод о трансформации его функций в течение рассматриваемого периода. В условиях сталинской экономики второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Госплан СССР был прямым проводником политики центральной власти, одной из главных задач которой было регулирование процесса выполнения плановых показателей. К периоду 1960-х годов с усилением политического и экономического влияния региональных элит, сохраняя свою контролирующую функцию, Госплан СССР стал своего рода фокальной точкой при разрешении ведомственных споров. В период 1970–1980-х годов Госплан СССР окончательно стал той структурой, где урегулировались интересы отраслевых и территориальных органов в области управления экономикой, и в отношении освоения лесных ресурсов в частности. В то же время громоздкость и разветвленность ведомственного аппарата управления отраслями ЛПК к периоду 1980-х годов уже не позволяли эффективно планировать и контролировать работу производственных объединений и отдельных предприятий. Это, в свою очередь, стало одной из причин тех проблем в эффективном использовании лесных ресурсов, которые были очевидны, в том числе, для работников Госплана СССР, но почти не решаемы.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 46. Д. 153. Л. 10.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 518. Л. 203–204.

³ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 1037. Л. 54.

⁴ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 1037. Л. 56–58.

⁵ РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–9527. Оп. 1. Д. 787. Л. 4.

⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3741. Л. 1–1а, 43.

⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7032. Л. 2–3, 8–9.

⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7301. Л. 115–117.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 3093. Л. 20–21.

¹¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 6710. Л. 97–98.

¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 6710. Л. 149.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гапсаламов А. Р. Система управления промышленностью Советского Союза: теоретический аспект // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2013. Вып. 6. Ноябрь – декабрь. С. 1–14 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/92EVN613.pdf> (дата обращения 20.04.2016).
2. Некрасов В. Л. Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 66–70.
3. Некрасов В. Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 99–103.
4. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа: эффект колей (опыт институционального анализа истории экономического развития): Монография. Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2010. 531 с.
5. Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Г. И. Зинченко, Д. И. Правдина, А. А. Синягова. М.: Мысль, 1977. 383 с.
6. Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 4.
7. Хромов Е. А. Региональные элиты в СССР в конце 1950-х – середине 1960-х гг. К постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 183–186.
8. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
9. Шегельман И. Р. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации 1946–1960 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 204 с.
10. Шегельман И. Р., Кулагин О. И. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации (1917–1930 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 70 с.
11. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): В трех частях / Под ред. д. э. н., проф. Р. М. Нуреева. Часть вторая. Фирмы современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19204386/> (дата обращения 03.05.2016).

Kulagin O. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE STATE PLANNING COMMITTEE OF THE USSR AS AN INSTITUTION REGULATING THE SOVIET FOREST ECONOMY (THE SECOND HALF OF THE 1940s–1980s)

Modern national timber economy is experiencing difficulties, and; therefore, the relevance of this study is related to both the analysis of its positive experience, which was acquired in the period under review, and the crisis, which consequently developed in the sphere of industrial production. The Timber Complex was not an exception. During the time period in focus, it accumulated a lot of serious problems: the irrational use of forest resources, the accelerated outflow of production capacity, the time lag in the development of social infrastructure from industrial development. Scientific novelty of the researched problem is connected with the insufficient study of the real role of the State Planning Commission in the development of the national timber industry during this period. Throughout reported period, the State Planning Committee of the USSR retained all regulatory functions of the Soviet forest economy. Using new archival materials, the author concludes that the USSR State Planning Committee transformed from the agency, which tightly controlled execution of planned targets, into the institute of coordination of various departmental and regional interests. At the same time, defending the state's interests, the state planning agencies under conditions of economic slowdown contributed to the conservation of timber industry backlog when compared with other manufacturing industries.

Key words: state planning agencies, the Soviet timber industry, the focal point

REFERENCES

1. Gapsal' amov A. R. The management system in the industry of the Soviet Union: Theoretical Aspect [Sistema upravleniya promyshlennost'yu Sovetskogo Soyuz: teoreticheskiy aspekt]. *Internet-zhurnal "NAUKOVEDENIE"*. 2013. November – December. Issue 6. P. 1–14. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/92EVN613.pdf> (accessed 20.04.2016).
2. Nekrasov V. L. The post of the chairman of Gosplan in the system of top political leadership of (1955–1964) [Dolzhnost' predsedatelya Gosplana SSSR v sisteme vysshego politicheskogo rukovodstva (1955–1964 gg.)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2012. № 4. P. 66–70.
3. Nekrasov V. L. Reforms of Gosplan 1955: development of the new model of economic planning [Reforma Gosplana SSSR 1955 g.: razrabotka novoy modeli planirovaniya ekonomiki]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2013. № 368. P. 99–103.
4. Nureev R. M., Latov Yu. V. *Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya): Monografiya* [Russia and Europe: path dependence effect (the experience of institutional analysis of the history of economic development): monograph]. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. Kanta, 2010. 531 p.
5. *Osnovy nauchnogo upravleniya sotsialisticheskoy ekonomikoy* [Basics of scientific management of the socialist economy] / Ed. G. I. Zinchenko, D. I. Pravdina, A. A. Sinyagova. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 383 p.
6. Pikhoya R. G. About internal political struggle in the Soviet leadership. 1945–1958 [O vnutripoliticheskoy bor'be v sovetskom rukovodstve. 1945–1958 gg.]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1995. № 6. P. 4.
7. Khromov E. A. Regional elites of the USSR in the late 1950s – midpoint of the 1960s. On the formulation of the question [Regional'nye elity v SSSR v kontse 1950-kh – seredine 1960-kh gg. K postanovke voprosa]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2009. № 323. P. 183–186.
8. Shegel'man I. R. *Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.)* [Forest Transformation (XV–XXI centuries)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2008. 240 p.
9. Shegel'man I. R. *Lesozagotovki i lesnoe khozyaystvo: transformatsii 1946–1960 gg.* [Logging and forestry: the transformation of 1946–1960 gg.]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2011. 204 p.
10. Shegel'man I. R., Kulagin O. I. *Lesozagotovki i lesnoe khozyaystvo: transformatsii (1917–1930)* [Logging and forestry: Transformation (1917–1930)]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2015. 70 p.
11. *Ekonomicheskie sub'ekty postsovetskoy Rossii (institutsional'nyy analiz: V trekh chastyakh. Chast' vtoraya. Firmy sovremennoy Rossii)* [Economic subjects of the post-Soviet Russia (institutional analysis). In The three parts. Part two. Companies modern Russia]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/461/693/1219/ch7.pdf> (accessed 03.05.2016).

Поступила в редакцию 12.02.2016